

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Горбачевич К. С. Как говорят студенты? // Рус. речь. 1974. № 1. С. 50.
- ² См.: Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979; Помыкалова Т. Е., Шишкина Т. Я., Шкатова Л. А. Наблюдения над речью жителей г. Челябинска: (к проблеме «язык города») // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., С. 164.
- ³ См.: Русский язык по данным массового обследования. М., 1974. С. 20.
- ⁴ Русская разговорная речь. М., 1973. С. 7.
- ⁵ См.: Русский язык: Энцикл. М., 1979. С. 164.
- ⁶ Капанадзе Л. А. Современная просторечная лексика: (московское просторечие) // Городское просторечие: Проблемы изучения. С. 128.
- ⁷ См.: Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи.
- ⁸ См.: Помыкалова Т. Е., Шишкина Т. Я., Шкатова Л. А. Наблюдения над речью жителей г. Челябинска: (к проблеме «язык города»).
- ⁹ См.: Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова, М., 1983.
- ¹⁰ См.: Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Словарь-справочник. Л., 1973. С. 111, 180, 190.
- ¹¹ Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971. С. 183.
- ¹² См.: Русский язык по данным массового обследования. С. 183.
- ¹³ См.: Чуковский К. И. Живой как жизнь. М., 1962. С. 17.
- ¹⁴ См.: Граудина Л. К. О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода // Развитие грамматики и лексики русского языка. М., 1964. С. 184—210; Она же. Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения // Там же. С. 210—221; Она же. Разговорные и просторечные формы в грамматике // Литературная норма и просторечие. М., 1977. С. 95.
- ¹⁵ См.: Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи; Помыкалова Т. Е., Шишкина Т. Я., Шкатова Л. А. Наблюдения над речью жителей г. Челябинска: (к проблеме «язык города»).

Н. Ш. ПЕСТЕРЕВА, М. Э. РУТ
Уральский университет

Номинативность и экспрессивность в семантике образного слова (именования людей в речи школьников)

Развитие речи учащихся — одна из основных задач, стоящих перед учителем-словесником, поэтому речевая деятельность школьников всегда находится в зоне внимания педагогов. Однако от наблюдения обычно ускользает сфера неофициального, внеурочного общения ребят. Между тем именно здесь прежде всего формируется экспрессивный фонд индивидуального словаря, определяющий яркость, выразительность, своеобразие речи. Данная статья основана на материалах наблюдений над процессом именования людей в речи пятиклассников и восьмиклассников двух школ Свердловска. Исследование предполагало две цели: 1) определение объема ис-

пользуемой ребятами лексики, оценочно характеризующей человека; 2) выявление семантики слов-характеристик.

Сбор материала проводился в два этапа: первоначально в результате внешнего наблюдения фиксировались все именования людей, которые встретились в речи школьников (включая и общеупотребительные, и чисто окказиональные, единичные). Материал оказался весьма разнообразным, однако основную его часть составили слова с переносным образом значением. Для характеристики физических и душевных качеств людей школьники используют сопоставления с самыми различными сферами действительности. Приведем краткую идеографическую схему первичных значений слов, именующих лицо:

I. Природа

1. Неживая природа — солнышко, темнота, молния, ветер, ураган, гора, скала, тундра и пр.

2. Живая природа: виды растений — былинка, лопух, одуванчик, плесень, редиска; животный мир — амеба, антилопа, буйвол, букашка, бурундук, верблюд, волк, воробей, горилла, дикобраз, ерш, жаба, инфузория, килька, клещ, кобра, козел, козявка, корова, кот, кошка, кролик, крот, кузнечик, кукушка, макака, мерин, мокрица, моль, морж, мотылек, мошкара, муравей, мышь, овчарка, орангутанг, оса, павлин, пантера, пингвин, сорока, сурок, телка, уж, улитка, утка, утконос, чушка, шавка, шимпанзе, ящерица.

II. Человек

Части тела — голова, лоб, кишка; болезнь, смерть — лунатик, припадочный, шизофреник, труп; социальная характеристика — буржуй, партизан, уголовник; профессиональная характеристика — кочевар; национальность — абрек, папуасы, турок, цыгане.

III. Общество

Материальная жизнь общества: бытовые предметы — жбан, ка лоша, клюшка, кнопка, лямка, мыло, мячик, печка, помело, топор, фонарь, чайник, швабра, шило, шкаф, шланг, шнурок, шпингалет; пища — булка, окорок, сарделька, сметана; лесное хозяйство — бревно, щепка; техника — танк.

Характерно, что духовная жизнь общества как сфера образного отождествления в речи школьников не задействована. Так, не зафиксированы именования людей по персонажам произведений искусства (ср. общеупотребительные: донкихот, донжуан, Манилов, Чайльд Гарольд и т. п.), по политическим и общественным деятелям (ср.: Мы все глядим в Наполеоны); нет слов из области религии (ср. общеупотребительные: леший, христосик, иезуит и т. п.). Отсутствие слов-характеристик указанного типа отнюдь не свидетельствует о незнании ребятами тех или иных понятий из области искусства, религии, политики. Очевидно, в образном сопоставлении могут участвовать лишь те понятия, которые не просто известны, но усвоены. Исключение составляет очень продуктивная группа, характеризующая человека через образ животного: здесь недостаточная усвоенность понятия (ср.: амеба, инфузория, утконос) ис-

купается освоенностью модели переноса «животное — человек».

Наблюдения за употреблением перечисленных образных лексических единиц в речи подтверждают их экспрессивность: о ней свидетельствует и несомненная оценочность характеристики, и явная подчеркнутость, демонстрация оценки, и эмоциональная напряженность. Эта экспрессивная «накаленность» создает трудности в восприятии собственно номинативной семантики словоупотребления: речевой контекст оказывается весьма свернутым («Ну и чушка», «Вот ведь овчарка!», «Какой буржуй нашелся» и т. п.), а учет внелингвистической ситуации высказывания в положении «со стороны» редко возможен в полной мере. Не случаен поэтому тот факт, что взрослые нередко воспринимают образные характеристики в речи детей как номинативно пустые бранные выражения. Конечно, тенденция к свертыванию номинативного компонента, к превращению слова в чисто оценочное, причем чаще всего в отрицательно оценочное, в речи школьников достаточно сильна. Однако наблюдения показывают, что номинативный классифицирующий момент в словах-характеристиках людей присутствует. Об этом свидетельствует, с одной стороны, постоянный поиск наиболее точного воплощения характеристики (при сохранении уровня оценки), проявляющийся и в момент речи («Прозевал, ворона... нет, не ворона, лопух — уши-локаторы, а зеваешь»), и в наличии разнообразных именований в речевом запасе школьника; с другой стороны, номинативный элемент ощущается в реакции воспринимающих, которые, солидаризируясь в общей оценке, вместе с тем выражают согласие/несогласие, одобрение/неодобрение по отношению к употребленному образному слову. Наконец, даже при самом поверхностном восприятии речевых ситуаций ощутима определенная регламентация употребления образных характеристик в плане отнесенности к лицам мужского или женского пола, к детям и взрослым, к людям высокого или низкого роста и т. п.¹.

Для уточнения номинативного компонента семантики образных слов-характеристик было проведено анкетирование 120 школьников. Использовались анкеты двух видов. В анкетах первого типа ребятам предлагалось записать значения тех слов из приведенного списка, которые, с точки зрения анketируемого, могут соотноситься с человеком; в противном случае следовало поставить прочерк. К анкетированию были привлечены следующие слова (наиболее частотно соотносимые с человеком в речи школьников): баран, букашка, ворона, жук, запевала, квашня, кисель, клоп, клуша, кляча, козел, клюшка, лопух, лошадь, лямка, мартышка, мерин, мешок, мокрица, моль, одуванчик, осел, пигалица, пузырь, сапожник, сморчок, стрекоза, сухарь, троглодит, тундра, турок, тюфяк, хомяк, холера, хрен, хорек, цыпленок, чучело, чушка, швабра, шестерка, шкаф, шляпа, шланг, шнурок (всего 45). Каждая анкета содержала по 23 слова из этого списка, наборы слов варьировались. Кроме школьников, анкетированию подверглись и 20 взрослых;

они составили контрольную группу; каждому взрослому предлагалось записать значения всех 45 слов.

Далее приводятся обобщенные результаты анкетирования. Слова-характеристики подаются в алфавитном порядке. Для каждого слова перечисляются выделенные семы в порядке убывания частотности. Цифры в скобках указывают число фиксаций (из 80 возможных). Семы, отмеченные однократно, при подведении итогов не учитывались. Семы, выделяемые только школьниками, помечены звездочкой. В тех случаях, когда исследуемое слово фиксируется как характеризующее человека в словарях русского литературного языка, данные словаря приводятся после анкетных данных с пометой «ср.» Для сопоставления привлекается прежде всего словарь С. И. Ожегова² как включающий наиболее употребительную лексику, в случае отсутствия фиксации в нем дается сопоставление с материалами Большого академического словаря (БАС)³.

Баран — «глупый, тупой» (50), «упрямый» (18), «кудрявый» (5)*, «сильный» (2)*. Ср.: баран «об упрямом или глупом человеке» (БАС, 1, 272).

Букашка — «маленький» (44), «невзрачный, серый» (20), «маленького роста» (13), «ребенок» (7), «жалкий» (3).

Ворона — «рассеянный, невнимательный» (50), «растеряха» (12), «глупый» (11), «болтливый» (8)*, «заторможенный, нерасторопный» (8), «некрасивый, неприятный» (5), «бесцеремонный» (5), «плохой человек, дура» (2). Ср.: ворона «зевака, ротозей» (Ожегов, 81).

Жук — «хитрый, пронырливый» (31), «толстый, неповоротливый» (16), «ворчун» (6), «важный, солидный» (4), «хозяйственный» (2), «эгоист» (2), «маленького роста» (2), «тупой, глупый» (2), «проворный» (2). Ср.: жук «ловкий человек, плут» (Ожегов, 168).

Запевала — «неформальный лидер любого дела, оптимист» (40), «главарь, подбивающий на что-нибудь плохое» (15), «инициатор любых (плохих или хороших) дел» (9). Ср.: запевала «начинатель, инициатор, возглавляющий что-нибудь» (Ожегов, 186).

Квашня — «малоподвижный» (29), «бесхарактерный» (29), «ленивый» (13), «толстый, рыхлый» (11), «неуклюжий» (8), «невеселый» (5). Ср.: квашня «о неповоротливом, толстом человеке» (БАС, 5, 914).

Кисель — «безвольный» (31), «медлительный» (10), «слабый» (9), то же, что «квашня» (5), «не имеющий своего мнения» (4). Ср.: кисель «о мягком, вялом, безвольном человеке» (БАС, 5, 966).

Клоп — «маленький» (48), «неприятный» (18), «маленький ребенок» (7), «паразит» (4), «кусачий» (2). Ср.: клоп «о малыше» (Ожегов, 244).

Ключа — «пассивный» (24), «неприятный по внешности» (11), «глупый», «отсталый» (11), «активная, беспокойная, работливая» — только ж. р. (10), «неаккуратная» (3), «неловкая» (4), «толстая»

(2), «смешной» (2). Ср.: клуша «о неуклюжей, неповоротливой, дурно одетой женщине» (БАС, 5, 1054).

Клюшка — «неприятная женщина» (14), «кривой» (5)*, «старый человек» (3), «обращение к девушке» (3)*, «длинный» (2)*, «горбатый» (2)*.

Кляча — «худая» (16), «изнуренная» (14), «старая, дряхлая» (11), «работяга» (5), «медлительный, слабый» (30)*. Ср.: кляча «об изнуренном, физически слабом человеке, не способном к работе» (БАС, 5, 1066).

Козел — «глупый» (29), «наглый, грубый» (10), «упрямый» (5), «плохой» (4), «задиристый» (4).

Лопух — «глупый, неудачливый, пассивный» (76), «лопоухий» (10), «толстый» (4).

Лошадь — «крупная женщина» (24), «здоровая, выносливая» (6), «безотказный, работяга» (10). Ср.: лошадь «о неповоротливом, неуклюжем или неумном человеке» (БАС, 6, 381).

Лямка — «обуза» (17), «бурлак» (4).

Мартышка — «кокетка» (25), «подражающая кому-либо» (13), «подвижный» (12), «тот, кто дразнит» (9), «похожий на мартышку» (5), «некрасивая девушка» (3), «с подвижным лицом» (3), «смешная» (3), «ехидная» (2). Ср.: мартышка — «о некрасивом человеке» (БАС, 6, 647).

Мерин — «грубый» (7), «глупый» (5), «медлительный» (5), «трудолюбивый» (4), «здоровый» (3), «подвижный» (3), «нахальный» (3), «бездельник» (2), «упрямый» (2).

Мешок — «толстый» (15), «неповоротливый» (15), «тупой» (7), «ленивый» (3), «человек, на котором одежда висит» (2). Ср.: мешок «о неповоротливом, неуклюжем человеке» (Ожегов, 310).

Мокрица — «скользкий» (9), «ничтожный» (8), «мерзкий» (8), «обиженный, плакса» (6), «липкий» (5), «мокрый» (5), «безразличный» (2).

Моль — «бесцветный» (15), «назойливый» (14), «незначительный» (5), «пустой» (3), «проныра» (2). Ср.: моль «посредственность» (БАС, 6, 1213).

Одуванчик — «слабый, хилый» (14), «светловолосый» (13), «застенчивый пайныка» (9), «непрактичный, наивный» (8), «старый, дряхлый» (7), «легкий, воздушный» (5), «нежный» (3), «белоручка» (4), «рыжий» (2), «красивый» (2)*.

Осел — «тупой, глупый» (47), «упрямый» (20), «вредный» (2). Ср.: осел «о тупом упрянце» (Ожегов, 413).

Пузырь — «полный, толстый» (54), «важный» (16), «с толстыми щеками» (7), «обидчивый» (6), «с большим животом» (4), «слабый» (2). Ср.: пузырь «о малыше, ребенке, обычно полном, упитанном» (БАС, 11, 1670).

Сапожник — «бракодел» (19), «грубый» (18), «трудолюбивый» (4)*, «пьяница» (2). Ср.: сапожник «о неумелом, неискусном в работе» (БАС, 13, 177).

Сморчок — «маленький, хилый» (21), «со сморщенным личиком» (10), «неприятный, жалкий» (10), «неопрятный» (9), «болезненный» (9), «дряхлый» (3), «наглый» (2), «глупый» (2). Ср.: сморчок «о маленьком, малосильном человеке» (Ожегов, 679).

Стрекоза — «подвижная, шустрая» (47), «легкомысленная» (18), «болтушка» (13), «веселая» (5), «стройная» (5), «кокетка» (3), «подвижная девочка» (3). Ср.: стрекоза «о живом, подвижном ребенке, непоседе» (Ожегов, 715).

Сухарь — «тощий, костлявый» (21)*, «бездушный, черствый» (36), «человек без эмоций» (20), «ничем не интересующийся» (4); «жадный» (3), «умный» (3). Ср.: сухарь «о сухом, неотзывчивом, эгоистичном человеке» (Ожегов, 728).

Троглодит — «обжора» (7), «пещерный человек» (5), «эрудит» (3), «угрюмый» (2), «неповторимый» (3)*. Ср.: троглодит «грубый, некультурный человек» (Ожегов, 750).

Тундра — «невежественный» (31), «глупый» (13), «замкнутый» (5), «злой» (2)*, «сердитый» (2).

Турок — «дурак» (51), «человек другой (любой) национальности» (4), «неправильно говорящий» (3).

Тюфяк — «неповоротливый» (31), «толстый» (22), «глупый» (21), «безвольный» (11), «ленивый» (4). Ср.: тюфяк «о вялом, безвольном человеке» (Ожегов, 756).

Хомяк — «толстый» (49), «запасливый» (16), «вечно жующий, обжора» (13), «неповоротливый» (6). Ср.: хомяк «о неповоротливом, нерасторопном человеке» (БАС, 17, 376).

Хорек — «шустрый» (14), «неприятный» (7), «толстый» (5), «хитрый» (5), «маленький» (4), «злой» (3), «тонкий» (2), «длинный» (2), «запасливый» (2), «вечно грызущий» (2), «зубы, как у хорька» (2).

Цыпленок — «маленький» (44), «слабый» (28), «глупый» (5), «симпатичный» (4), «добрый» (3), «незаметный» (2), «плохо знающий жизнь» (2). Ср.: цыпленок «о наивном юнце или девушке» (БАС, 17, 729).

Чучело — «плохо одетый» (38), «некрасивый» (24), «растрепанный» (11), «глупый» (5), «смешной» (4), «грязный» (4), «слишком хорошо одетый, разряженный» (2). Ср.: чучело «о нелепом, несуразном или безобразном человеке» (БАС, 17, 1218).

Чушка — «грязный» (31), «глупый» (13), «смешной» (4), «толстый» (2), «симпатичный» (2).

Швабра — «высокая» (12), «неряшливая» (10), «глупая» (9), «злая» (8), «вредная» (7), «неприятная» (7), «худая» (5), «старая» (3), «пронырливая» (2), «бранное» (3).

Шестерка — «подхалим» (36), «мастер на все руки» (4).

Шкаф — «большой» (37), «сильный» (14), «неповоротливый» (13), «тупой» (7), «имеет много вещей» (2).

Шланг — «высокий» (47), «худой» (16), «глупый» (6), «лентяй» (6), «изворотливый» (4), «предприимчивый» (2).

Шляпа — «простофиля» (32), «рассеянный» (22). Ср.: шляпа «вялый, безынициативный человек, растяпа» (Ожегов, 830).

Шнурок — «худой» (14), «вездесущий» (12), «высокий» (10), «маленький» (5), «никчемный» (4), «хитрый» (3).

Слово «пигалица» не дало общих значений. Слова «хрен» и «холера» оцениваются на уровне междометий.

Повторяемость отдельных сем, характеризующаяся достаточной частотностью, свидетельствует о наличии известной номинативной определенности именований-характеристик.

Уточним, что каждая анкета давала не моносемное, а комплексное толкование заданных лексем. Суммарное количество таких толкований для каждого слова различно, ср.: баран — 15, букашка — 32, ворона — 39, жук — 42, запевала — 44, квашня — 45, кисель — 33, клоп — 34, клуша — 49, клюшка — 28, мартышка — 37, мерин — 32, мешок — 29, мокрица — 32, моль — 31, одуванчик — 57, осел — 18, пузырь — 39, сапожник — 18, сморчок — 56, стрекоза — 61, сухарь — 58, троглодит — 19, тундра — 28, турок — 19, тюфяк — 35, хомяк — 28, хорек — 37, цыпленок — 45, чучело — 29, чушка — 27, швабра — 42, шестерка — 31, шкаф — 39, шланг — 23, шляпа — 23, шнурок — 36. Однако разнообразие достигается не за счет разноречивых определений, а за счет неодинаковой степени их точности и подробности. Оттенки значений толкуемых слов в разных анкетах не исключают, а дополняют и уточняют друг друга. Лишь в некоторых случаях возникают противопоставления, ср.: ворона «растеряха» — «тащит из-под носа», «заторможенная» — «крикливая»; жук «хитрый» — «тупой», «неповоротливый» — «проворный»; клуша «заторможенный» — «активная, беспокойная, заботливая»; одуванчик «светловолосый» — «рыжий»; мокрица «мерзкий» — «обиженный, плакса»; троглодит «пещерный человек» — «эрудит». В этих случаях разночтения связаны с несовпадением образов, рождающих характеристику: Ворона из басни Крылова — и реальная птица; наседка, сидящая на яйцах, — и наседка, оберегающая уже вылупившихся цыплят; жук-короед — и майский жук; мокрица насекомое — и просто нечто мокрое; одуванчик цветущий — и одуванчик отцветший. Слово «троглодит» вообще подвергается народноэтимологическому переосмыслению детьми, не знающими его значения, ср.: глотать, глотать и т. п.

Анализ слов, являющихся отклонением от общего правила, позволяет уточнить и само правило: для образного слова важна подробная детализация значения с опорой на исходный образ. Характерно, что ни один из анкетированных не давал однословные толкования — как школьники, так и взрослые стремились к развернутым определениям. Если же встречалось толкование одним словом, то оно само оказывалось образным, ср.: шляпа — «то же, что ворона»; «то же, что тюфяк»; тундра — «то же, что турок»; лошадь — «каланча, бич, слон». Интересен случай толкования: «кисель = квашня, но в большей степени». Это единственный случай отражения в толковании интенсивности проявления признака.

Материал позволил выделить ряд синонимов, ср.: «глупый» — баран, жук, квашня, клуша, козел, лопух, мешок, мерин, осел, сморчок, тундра, турок, тюфяк, цыпленок, чушка, чучело, шляпа, швабра, шкаф; «медлительный» — ворона, кисель, клуша, кляча, мерин, мешок, тюфяк; «толстый» — жук, квашня, клуша, лопух, мерин, мешок, пузырь, тюфяк, хомяк; «маленький» — букашка, клоп, сморчок, хорек, цыпленок, шнурок; «проворный, вездесущий» — жук, мартышка, моль, стрекоза, хорек, швабра, шланг, шнурок. Однако эти синонимы не абсолютные, их соединение в один ряд только подчеркивает разнообразие возможностей проявления одного номинативного признака. В отдельном слове каждый из перечисленных признаков выступает лишь компонентом определенного номинативного комплекса. Это ярко проявилось во втором виде анкет, где к толкованию привлекались наборы слов, обладающих общим нормативным признаком. Ср., например: мешок — «толстый, сластена», пузырь — «толстый, неповоротливый», тюфяк — «толстый и провинившийся», хомяк — «толстый обжора», мерин — «толстый, тяжелый», лопух — «толстый, ушастый», квашня — «толстый и легко раскисающий», клуша — «толстый и тихий»; букашка — «маленький, шустрый», клоп — «маленький, злой», сморчок — «маленький тихий хлюпик», хорек — «маленький и толстый», букашка — «маленький», клоп — «маленькое и вредное создание», цыпленок — «маленький, жалкий», шнурок — «маленький, гибкий»; мартышка — «проворный», моль — «проворный, вредный, назойливый», стрекоза — «проворный, легкомысленный», хорек — «проворный, жадный, хитрый», шланг — «проворный, длинный, как Бердников»⁴.

Отметим, что в приведенных толкованиях далеко не всегда ощущается оценочность (ср.: «маленький, гибкий», «толстый и тихий», «маленький, толстый»). Однако комплексность номинативного компонента всегда налицо. В двух последних анкетах первое слово лишено комплексного толкования, оно как бы берется за точку отсчета, но остальные слова получают уже комплексное развернутое толкование. Можно говорить о том, что образное слово содержит новое номинативное значение, специфика которого — в подробной детализации, глубинном и многостороннем освоении обозначаемого. На наш взгляд, это опровергает распространенное мнение о том, что образное слово не отражает нового знания, а лишь выражает новое к нему отношение⁵.

Детальная, динамичная образная номинативность может становиться залогом возникновения и закрепления определенного отношения к завершенному фактом образной номинации знанию о предмете. Однако образность является не сопутствующим экспрессивности элементом, а условием ее возникновения в определенных группах лексики, в частности в рассматриваемой группе.

В ряде ситуаций экспрессивность оказывается, в свою очередь, важнее породившей ее образности, и тогда номинативный элемент упрощается, заменяясь коннотативным. Такое замещение может

быть ситуативным, но может и закрепиться в языке — тогда образность слова стирается, а в дальнейшем может утратиться и номинативная сема (ср.: холера, хрен и др.). С другой стороны, речевая ситуация может возродить глубину образной номинативности (ср.: «Он не осел, он баран: осел только упирается, а этот ведь голову нагнет и напролом» — из записи речи ученицы 9-го класса).

В именовании человека оценочность, как правило, оказывается довлеющей, основной. Именно она выступает на первый план, и поэтому она прежде всего узуализируется. Однако в конкретных коммуникативных ситуациях классифицирующая сторона нередко оказывается более сильной. Особенно это важно в речи ребенка, в том числе и школьника, ибо его языковой опыт еще нуждается в постоянной опоре на материальную сторону слова. Образное слово оказывается оптимальным средством познания мира с опорой на минимальный языковой и бытийный опыт. Характерно в связи с этим, что в анкетах школьников более частотны толкования, раскрывающие объективные признаки явления (ср. семы, выделенные только в анкетах школьников) и связанные с поиском внешних характеристик, в то время как взрослые тяготеют к оценочности, к формулировке «очеловечивающих» признаков.

Образная номинативность детальна и в силу своей детальности в большей степени индивидуальна, нежели номинативность обычная. Отсюда ее неустойчивость, тенденция к стиранию, замене экспрессивностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об этом см.: Черемисина М. И., Сопла Н. С. К вопросу о семантике зоохарактеристик: (На материале русского образа «петух») // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 55—69.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. Далее в скобках, с указанием страницы, — Ожегов.

³ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948—1953. Далее в скобках, с указанием тома и страницы, — БАС.

⁴ Приводятся анкеты пятиклассников.

⁵ См., напр.: Черемисина М. И., Рыжкина О. А. Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1977. Вып. 6. С. 3—24.

А. Г. ГУСЕВА, Я. Г. МАНИОН
Уральский университет

Локальный социально-возрастной жаргон

Отклонения от литературной нормы в речи городского населения — тема объемная: сюда входят явления, присущие просторечию, связанные с попаданием в город диалектоносителей или носителей арго, явления жаргонные, отклонения индивидуального ха-